

— Но я все же чувствую себя виноватой, что заставила тебя искать у Яо Циншаня этот свиток.

Эта мысль давно тяготила Фу Яньцин. Еще в тот день, когда она вновь открыла глаза, она решила, что до конца своих дней не будет никому рассказывать о своей прошлой жизни. Ведь, по её мнению, само её существование уже было нарушением небесного порядка, слишком странным. В ночных кошмарах она часто не могла отличить сон от реальности и боялась, что её присутствие изменит многие вещи, которые изначально были хороши, особенно жизнь Чжао Цзыянь, с которой она была тесно связана.

Но она уже изменила жизнь Чжао Цзыянь до неузнаваемости. Раньше холодная и мрачная Девятая принцесса, которая казалась неприступной, теперь стала теплой и заботливой, терпеливой и глубоко чувствующей. Она боялась, что сокровище, которое погубило сотни подчиненных Чжао Моцзянь, в конце концов достанется Чжао Цзыянь. Поэтому она надеялась, что Чжао Цзыянь не будет вмешиваться в это.

Но теперь Чжао Цзыянь и Чжао Моцзянь приехали в провинцию И, и ситуация уже отличалась от прошлой жизни. Поездка Чжао Моцзянь в провинцию И произошла на два года раньше, и теперь с ней была Чжао Цзыянь. Фу Яньцин боялась, что Чжао Цзыянь тоже будет втянута в это, поэтому она старалась как можно больше рассказать ей обо всем. Что касается предыдущего обмана, то, независимо от причин, она была не права, ведь теперь Чжао Цзыянь была её любимой, и они должны быть откровенны друг с другом.

Чжао Цзыянь, услышав её извинения, поспешно покачала головой:

— Я не виню тебя, я просто боюсь, что ты что-то скрываешь от меня. Ты говоришь, что не хочешь обсуждать эти вещи, и у тебя есть на то причины. Ты мне сказала, и я больше не буду спрашивать, но я не хочу, чтобы ты страдала.

Когда она была еще маленькой, она заметила, что Фу Яньцин скрывает многое, и её мысли были слишком глубоки для её возраста. Когда она тайком приходила к ней ночью, она несколько раз заставляла её во время кошмаров. Хотя Фу Яньцин быстро просыпалась, слова, которые она произносила во сне, тогда Чжао Цзыянь не понимала, но теперь, вспоминая, они, казалось, были связаны с резиденцией юго-западного князя, и в них звучал намек на трагический конец.

Тогда в глазах Фу Яньцин она часто видела тот же взгляд, что и сейчас, когда та говорила о сокровищах императора Юна, — взгляд, полный горечи и желания убежать.

Фу Яньцин подняла глаза и увидела в глазах Чжао Цзыянь боль и заботу. Она с трудом улыбнулась и, наконец, нежно обняла её:

— Спасибо тебе.

Чжао Цзыянь выглядела более расслабленной и начала шутить с Фу Яньцин. Она указала на свои губы:

— Если ты действительно хочешь меня поблагодарить, поцелуй меня.

Фу Яньцин фыркнула:

— Бессовестная.

Тем временем, когда Чжао Цзыянь уже приближалась к провинции И, Лэ Яо решила, что

скрывать от Фу Яньцин и других больше не стоит, ведь инцидент с Шэн Юй был связан с её небрежностью. Раньше она не говорила, чтобы не беспокоить их, но теперь, когда Шэн Юй вернулась невредимой, можно было рассказать об этом, ведь всё обошлось.

Поручив Чэнь Лину отправить письмо Чжао Цзыянь, Лэ Яо отправилась обратно в столицу, ведь это были земли Восемнадцати крепостей Яньюнь, и если бы Лянь Му решил напасть, это было бы опасно.

Однако Чэнь Лин сказал, что, хотя лицо Лянь Му было мрачным, он вел себя смиренно. Неизвестно, что Шэн Юй сказала ему, но он не только не стал преследовать потерянных братьев, но и извинился.

Лэ Яо была удивлена, но всё же решила вернуться в столицу.

Поскольку рана на руке была глубокой, по дороге она обратилась к врачу. Лекарь из пограничного городка, осмотрев рану Лэ Яо, громко воскликнул, перевязывая её и качая головой:

— Девушка, ты столкнулась с разбойниками? Они действовали слишком жестоко, если бы удар был чуть смещен, твоя правая рука была бы отрублена!

Лэ Яо подняла бровь, подумав, что, хотя лекарь выглядел ненадежным, но его наблюдательность была на высоте. Она взглянула на хмурую Шэн Юй, увидев, что та снова изменилась в лице, и тихо засмеялась:

— Доктор, вы слишком преувеличиваете. Хотя рана и глубока, она не задела кость, так что рука точно не отвалится.

Лекарь уставился на неё, хотел было возразить, но, увидев взгляд Лэ Яо, сдержался и только хмыкнул:

— Вы, девушки, сестры?

Лэ Яо на мгновение задумалась, а затем улыбнулась:

— А как вы думаете?

Лекарь погладил бороду, осмотрел их и покачал головой:

— Не похоже. Хотя обе вы очень красивы, но характеры у вас совершенно разные. Однако я заметил, что эта девушка очень переживает за тебя, поэтому и спросил.

Шэн Юй, услышав это, слегка пошевелила губами, но ничего не сказала, лишь отвернулась, когда Лэ Яо посмотрела на неё, сохраняя холодное выражение. Это заставило Лэ Яо тихо засмеяться.

Лекарь осмотрел рану и снова стал серьезным:

— Хотя кость не повреждена, но сухожилия затронуты, и рана очень глубокая, скорее всего, останется шрам. В ближайшие дни старайтесь не двигать рукой и не поднимать тяжести, иначе рана может воспалиться или разойтись, и тогда заживление будет еще сложнее.

Лекарь вздохнул, думая, что такой красивой девушке останется шрам, это печально, но, к счастью, он на руке, что не так страшно.

— Я поняла, спасибо, доктор, — Лэ Яо не хотела, чтобы лекарь продолжал, но он явно хотел помочь, поэтому она поспешила попрощаться.

По дороге в столицу Шэн Юй, хотя и заботилась о Лэ Яо, подавая ей чай и воду, почти не разговаривала, что огорчало Лэ Яо.

Вернувшись в столицу, Лэ Яо остановила Шэн Юй, когда та хотела проводить её до Павильона Яшмы:

— Дядюшка Цинь, наверное, очень волнуется за тебя, иди домой, я с Чэнь Лином дойду.

Шэн Юй взглянула на неё, ничего не сказала, развернулась и направилась к дому Шэн. Лэ Яо, стоя на месте, смотрела, как она уходит, не оглядываясь, и с улыбкой покачала головой:

— Как же она резко ушла, настоящая ледышка.

Когда Шэн Юй вернулась домой, дядюшка Цинь уже ждал её у входа. Увидев её, он не смог сдержать слез:

— Барышня, ты наконец вернулась! Этот негодяй тебя не обидел? Где ты ранена?

Дядюшка Цинь, увидев Шэн Юй, потерял обычную сдержанность и поспешно осмотрел её, проверяя, не ранена ли она.

Шэн Юй покачала головой, в её глазах тоже блеснули слезы:

— Дядюшка Цинь, не волнуйся, со мной всё в порядке, я не пострадала.

Дядюшка Цинь, успокоившись, начал говорить без остановки:

— Ты ведь знаешь, как я переживал. Раньше получил письмо от госпожи Лэ, что ты скоро вернешься, и это немного успокоило меня. На этот раз она действительно помогла, потратила много сил, чтобы найти тебя, и вернула тебя невредимой. Я обязательно её поблагодарю. Кстати, почему госпожа Лэ не пришла с тобой?

В глазах дядюшки Цинь читалась благодарность, но он не заметил, как изменилось выражение Шэн Юй, когда он упомянул Лэ Яо.

Шэн Юй, услышав его вопрос, слегка понизила голос:

— Она ранена, вернулась домой.

Дядюшка Цинь нахмурился:

— Ранена? Насколько серьезно? Это те негодяи её ранили?

Шэн Юй сжала губы:

— Она защищала меня.

Дядюшка Цинь замолчал, а затем поспешно сказал:

— Тогда нам нужно навестить её, мы ей многим обязаны. Почему ты не пошла с госпожой Лэ в Павильон Яшмы, а оставила её одну?

Дядюшка Цинь вырастил Шэн Юй с детства и хорошо знал её характер. Хотя из-за событий детства она стала холодной и всегда сохраняла серьезное выражение, в душе она была мягкой, особенно к тем, кто относился к ней хорошо, она была готова отдать всё. Но также она привыкла не говорить о своих чувствах, даже если волновалась, оставалась холодной.

И действительно, Шэн Юй, услышав слова дядюшки Цинь, выглядела странно, её взгляд стал рассеянным, но она спокойно сказала:

— Она велела мне вернуться, чтобы ты не волновался.

Дядюшка Цинь, видя её смущение, улыбнулся еще теплее:

— Я прекрасно знаю твой характер, но госпожа Лэ почти одного возраста с тобой, и она к тебе хорошо относится. Думаю, ты ей очень благодарна. Просто она не так давно знакома с тобой, как госпожа Су, и если ты будешь так холодна, она может подумать, что ты не хочешь с ней общаться.

Шэн Юй нахмурилась и холодно сказала:

— Если она так подумает, то она не стоит дружбы.

— Конечно, но всё же она может расстроиться, верно?

Дядюшка Цинь говорил, как с ребенком, и уши Шэн Юй слегка покраснели. Она и сама всё понимала, и изначально планировала, вернувшись домой, обсудить с дядюшкой Цинь, как лучше выразить благодарность. Но он сразу же разоблачил её, и ей стало неловко.

Теперь, подумав, она поняла, что поступила неправильно. Лэ Яо была ранена, а она молча ушла домой, что было невежливо. Поэтому её лицо стало еще холоднее.

<http://bllate.org/book/16696/1533575>